
В. ВЖОСЕК

О СМЫСЛЕ И НАЗНАЧЕНИИ МЕТАФОРЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Метафоризирование как тип интерпретирования

Идея метафоры как своего рода интерпретации использует те ее неклассические ракурсы, которые позволяют взглянуть на нее как на выражение, имеющее своеобразную познавательную силу. Формальное строение метафоры делает ее похожей на дефиницию, что, как будет показано ниже, вместе с ее когнитивным смыслом уполномочивает к анализу с целью поиска сходств и различий между интерпретированием и метафоризированием.

Презентации идеи метафоры нам придется уделить немного больше места, поскольку ее современное понимание несравнимо менее известно, чем проблемы дефинирования.

К метафоре можно относиться как к риторическому, литературоведческому понятию, как к категории поэтики, но ее также можно рассматривать в контексте, который превращает ее в эпистемологическую категорию. Именно таким образом ее квалифицируют, в частности, философская неориторика, логическая грамматика и герменевтика. В их свете понятие метафоры ассимилирует положения постпозитивистской эпистемологии, прежде всего, проблематику разъяснения и моделирования, а также – что исключительно важно – проблемы, типичные для антипозитивистских течений в рефлексии над наукой. В целом, метафора и интерпретационные контексты, существующие вокруг нее, представляются адекватными особенно для такого мышления о гуманистике, которое локализует ее не столько и не только в пределах науки, но и в сфере культуры. Исследования над метафорой позволяют преодолеть возникшую в наши дни раздвоенность историографии между наукой и литературой.

Нижеследующие замечания являются вкладом в дискуссию, оживляемую Мари Б. Хессе, Максом Блэком, Полем Рикером и другими (Hesse 1943; Black 1962; Ricoeur 1975; 1983–1985; Bearsdley 1958).

О языковой метафоре

Языковая метафора (называемая далее метафора) – это выражение вида «X является Y», которое в пределах данного языкового контекста является семантической новацией в отношении употреблений языка на настоящий момент и характеризуется следующими свойствами:

1. Представляет собой процедуру заключения с логической схемой предиката: «X является как (как бы) Y».

2. Различие между риторическим смыслом выражения «X является Y» и логическим смыслом выражения «X является как (как бы) Y» берется из избыточности суггестивного смысла в отношении логического смысла, который характеризует метафору как риторическую фигуру.

3. В метафорическом выражении сопоставляются состояния вещей, сообщаемые его субъектами: X – первичный субъект, Y – вспомогательный субъект.

4. Это сопоставление состоит в «сопряженности», а также в «интерпретационной интеракции» дометафорических семантик обоих субъектов, в результате чего формируется семантика метафоры.

5. Семантика метафоры не сводится ни к дометафорическим семантикам X и Y, ни к трансформирующимся в результате «интерпретационной интеракции» семантикам X' и Y'.

6. Генезисом метафоры (генезисом «интерпретационной интеракции» отстоящих ранее друг от друга семантик метафоры) является творческий акт (открытие). Констатация сходства (аналогии) состояний вещей, сообщаемых субъектами, осуществляется в виде «интерпретационной интеракции» – в процессе распространения метафоры в определенном языковом контексте (сфере культуры).

7. Собственно метафора, живая (*metaphore vive*), преобразуется в мертвую метафору (*metaphore morte*) в том случае, когда в пределах ее семантики прекращаются «интерпретационные интеракции», когда она подвергается конвенционализации.

Мы представили в семи пунктах дефиниционные признаки метафорического выражения и, базируясь на сейчас уже классических свойствах, сформулированных Блэком, а также собрав модификации этого подхода, предложенные Рикёром, дополнили их собственными положениями.

Приведем несколько примеров метафорических выражений, чтобы можно было легче дискутировать и комментировать принятые здесь концепции. Три первых примера стали уже классическими в дискуссиях о метафоре, последующие же – это известные метафоры, отобранные из соображений их сходства с теми первыми, а также сходства с метафорами, анализируемыми в ходе историографических интерпретаций:

1) «The man is wolf («Homo homini lupus est») – пример, анализируемый Блэком и Рикёром (Black 1971: 218; Ricoeur 1975: 114–115).

2) «Бедные являются неграми Европы» – пример Ричардса (Richards 1936: part. 5, 6).

3) «Общество является морем» – метафора Уоллеса Стивенса, цитируемая и комментируемая Блэком (Black 1983: 113).

4) «Человек – это машина» – название работы Ля Меттри 1748 года.

5) «Общество – это организм» – положение Спенсера (Spencer 1876, t. 1, part 2: 212).

Представленное определение метафоры основывается на тех современных подходах, которые рассматривают ее не только как риторическую фигуру, но также как понятийную категорию, содержащую познавательные смыслы. Суть метафоры мы эксплицируем вслед за Рикёром как семантическую инновацию. Процесс ее конституирования понимается как семантическое явление и локализуется в пределах семантической рикёровской сферы воздействий, блэковской системы общих ассоциаций или же бердслеевской гаммы потенциальных ассоциаций.

Неклассическое понимание метафоры

Как минимум по двум принципиальным пунктам представленный подход отличается от подхода, культивируемого классической риторикой. Во-первых, метафора уже не является тропом, базирующимся на слове или названии – она не является операцией деноминирования. Во-вторых, здесь не поддерживается субституционная, а значит и компаративная, концепция метафоры, признающей идею сходства между заменяемыми названиями и ее генезисом и, более того, ее конститутивным признаком.

Наиболее бросающимся в глаза положением современной дискуссии над метафорой является факт, что ее идентифицируют с функцией предложения. Рассмотрим наш первый пример: «человек

человеку волк». Он сложен для анализа как минимум по двум соображениям. Обсудим их: ведь они дают возможность заняться проблемами, существенными с точки зрения рефлексии над метафорой.

Прежде всего, эта метафора уже в ходе дискуссии над ней была банализирована и петрифицирована. При таком положении вещей трудно разглядеть те ее признаки, которыми обладают «свежие» метафоры. Блэк обходит это обстоятельство. Он не замечает функционирования метафоры в культурном контексте. В свою очередь, Рикёр, который развивает понятия живой и мертвой метафоры, приводит этот пример в тех случаях, когда от проблем живучести метафорического выражения можно абстрагироваться.

Вторая проблема состоит в том, что польский вариант этой метафоры уже в течение многих веков имеет вид «człowiek człowiekowi wilkiem».

«Человек человеку волк», а не «человек является волком». Английское «The man is wolf», французское «l'homme est un loup» в своем метафорическом смысле соответствуют именно этой версии, а не малопоэтической (и малориторической в польском языке) «человек есть волк».

Заметим, что в этой метафоре сравниваются лишь некоторые черты человека с некоторыми чертами волка. Среди черт человека принимаются во внимание лишь те, которые соответствуют чертам волка, которые ранее приписывались ему в виде разговорной или литературной интерпретации, такой интерпретации, которая рассматривает «обычай», характер бытования волка на человеческий лад. В результате из возможной сферы дометафорических семантик обоих терминов «человек» и «волк» лишь некоторые из них были сопряжены в возникающем метафорическом выражении. И, таким образом, метафорическое «есть, является» «закавычивает» дометафорические выражения «человек» и «волк». Мы допускаем, что поскольку дометафорическая семантика субъекта «волк» содержала в себе много антропоморфизирующих ракурсов, то процесс распространения метафоры был относительно легок, сопряженные в ней семантики не слишком далеко отстояли друг от друга. Гамму потенциальных ассоциаций легко было конституировать и распространить. Эта гамма ассоциаций была также относительно мелкой, и интерпретационные интеракции вскоре прекратились. Метафора банализировалась; когда ее рассматривал Блэк, она уже давно была конвенциализированной.

Метафоризирование как абстрагирование и моделирование

Способность метафорического «есть, является» «закавычить» семантику субъектов метафорического выражения более наглядно представлена в третьем примере. Метафора «общество является морем» значительно менее банализирована. Добавим к тому же: значительно меньше конвенциализирована. Не простое это дело – напасть на след «полей общих ассоциаций» обеих семантик. Мы не утверждаем, что сопоставление общества и моря не вызывает разного рода ассоциаций. Как раз наоборот, в противоположность окостеневшей метафоре «человек человеку волк» эта метафора создает большие возможности для интерпретации. Как пишет Блэк, «Стивенса интересовало не море как “вещь”, но море как система отношений (комплекс, совокупность импликаций). Метафора предлагала первичный субъект также представить как систему» (Black 1962: 133). Метафорическое выражение, риторически скрепляя универсумы (человек, море), фактически в логическом смысле абстрагируется от некоторых их черт и признаков. Первичный субъект метафора ставит «в объектив» вторичного субъекта, порождая вопрос: насколько общество является (не является) морем? Этот вопрос приводит в движение интерпретационные интеракции, а именно изучение вопроса: в какой мере состояния вещей, сообщаемые первичным субъектом, таковы, как состояния вещей, сообщаемые вторичным субъектом?

Таким образом, метафорическое выражение в собственном присущем ему смысле является заключением о надличностных свойствах, точнее, о признаках такого типа собственности. Таким образом, возникает подозрение, что метафора не создана/не годится для предикации I уровня. Если это так, то сам процесс метафоризирования представляется – не без причины – процедурой, близкой к абстрагированию или моделированию. Желая хотя бы в кавычках сказать, что общество является морем, следует мысленно абстрагироваться от таких знаний о море, что могли бы быть связаны с некоторыми чертами общества. Это следует сделать таким образом, чтобы привести в движение интерпретационную интеракцию между дометафорическими семантиками обоих субъектов.

Логическая схема и риторический смысл метафоры

С обсуждавшимся вопросом связано терминологическое решение, которое мы приняли в пунктах 1) и 2) нашего определения. Мы

внедрили в них дифференциацию метафоры в риторической стилизации (то есть метафоры *tout court*) от ее логической схемы, то есть как бы метафоры в логическом смысле. Поль Рикёр, ведя в своем анализе поиск «самого интимного места метафоры», признал, что «ни предложение, ни дискурс, ни слово, но молекула глагола “быть” является тем конститутивным центром метафорического выражения» (Ricoeur 1975: 15).

Известно не только из приведенного мнения автора «*Temps et récit*», что метафорическое «есть, является» отличается от обычного «есть» (двуаргументного предиката идентичности) и то имеет значение «не является», то означает «является как». Таким образом, в целом можно сказать, что метафорическое «есть» соответствует, собственно говоря, то есть в логическом смысле, выражению «является как бы (как)». То есть, как мы уже говорили, представляет собой «есть» в кавычках.

Мы принимаем дифференциацию метафоры в риторической стилизации от ее логического вида, то есть ее риторического и логического смысла, по следующим причинам:

1. Метафорическое выражение вида «X является Y» не постулирует идентичности X и Y, потому что если бы таковая имела место, метафора не была бы инновацией, открытием, не содержала бы дополнительной информации, была бы тривиальной идентичностью (парафразой?).

2. К молчаливым, «неоткрытым» импликациям дометафорических семантик субъектов X и Y относятся соответственно:

а) выражение вида «X не является Y» и/или «Y не есть X» и/или б) выражение вида «X почти не является Y» и/или «Y почти не является X».

В свете этих дометафорических предпосылок, проявляющихся в момент формулирования метафоры, выражение «X является Y» предстает как логический абсурд или нонсенс (так возникающую метафору определяют многие исследователи).

Можно сказать, что метафора является сопряженностью тривиальных несопоставимостей с нетривиальной сопоставимостью. Как говорит Рикёр, «она является примером внутреннего конфликта между тождеством и различием. <...> Она открывает семантическое поле для объединения различий в идентичности» (Ricoeur 1975: 252).

Открытие метафоры состоит в творческой связи субъектов X и Y. Тем самым, в ней сопрягаются ранее «отдаленные» друг от друга семантики субъектов и их неосознаваемые импликации. Эта сопряженность инициирует интерпретационные интеракции между ними, которые, в свою очередь, вызывают импликации, представляющие собой семантику метафоры и участвующие в образовании семантик X' и Y'.

Таким образом, мы постулируем умение видеть двойной коммуникативный смысл метафоры: а) риторический и б) логический, буквальный. «Внутренняя напряженность» метафорического выражения берется из различия между внушаемым «является» и реальным «является как». Ведь метафора – это своеобразное (риторическое, поэтическое) злоупотребление смыслом, причем злоупотребление смыслом с целью убеждения. Это «сильное преувеличение» побуждает интерпретирующих (например, «влиятельных представителей языкового сообщества», как определяет носителей языкового контекста Блэк) (Black 1962: 42) к поиску ответа на два вопроса:

1) Как это, собственно говоря, есть: X является Y или X не является Y? А также параллельно:

2) С какой точки зрения, в какой мере (почему?) X является как Y?

Первый вопрос был бы вопросом, «демистифицирующим» риторический смысл метафоры, второй вопрос был бы главным вопросом, сопутствующим интерпретационной интеракции. Оба же они побуждают к «подтверждению» или «фальсификации» метафорического выражения. Итак, например, спенсеровская теория общества является пропагандированием видения общества как своеобразного целого, функционирующего подобно организму.

Эвристическая функция метафоры

Комментируя пункты 6 и 7, нам хотелось бы заняться одной из основных проблем рефлексии над метафорой. Она существенна, по крайней мере, для тех исследователей, которые ценят ее когнитивные свойства и которые, *volens nolens*, имеют дело с семантической проблематикой.

Макс Блэк, представляя уже цитировавшийся здесь первый пример, констатирует, что в этой метафоре «речь идет о человеке

на волчьем языке». Это определение мы можем прокомментировать следующим образом: семантику субъектов образует поле интеракции, в пределах которого происходит интерпретационное развертывание семантики вторичного субъекта в направлении семантики первичного субъекта. «Инициатива» в этом процессе предоставляется вторичному субъекту (*vehicule* у Ричардса), но в целом интерпретационные развертывания семантик обоих субъектов являются одновременными. Филипп Уилрихт называет этот процесс *epiphor*, то есть транспозицией, переходом, типом ассимиляции. Многие исследователи склонны провозглашать идею, в каком-то смысле, как минимум семантическую, что в метафорическом выражении имеет место интеракция не только между *vehicule/tenor*, *focus/frame*, *modificateur/sujet principal*, *sujet primaire/sujet secondaire*, но и, более того, между семантиками, сопутствующими этим составляющим метафоры. Начиная с концепции Ричардса о «транзакции контекстов», через идею Блэка о «поле общих ассоциаций» (*lieux communs associeus*), через упоминавшиеся «*reseau d'interactions*» Рикёра вплоть до «поля потенциальных коннотаций» (*lieux connotations potentiels*) Бердсли мы имеем здесь дело с понятиями, которые, казалось бы, выводят рефлексии этих исследователей за пределы семантики. Блэк, прижатый к стенке логикой собственного мышления, утверждает, что систему импликаций конституируют «влиятельные представители языкового сообщества». В свою очередь, Рикёр последовательно направляет семантику метафоры в сторону своей герменевтики.

В результате семантизации рефлексии над метафорой центр тяжести в дискуссии переместился с «контекста открытия» на «контекст обоснования». Проблематика генезиса метафоры была заменена ее «легитимизацией» и распространением в культуре. Блэк задает вопрос о генезисе метафоры, но отвечает на вопрос о функции. Автор «*Models and Metaphors*» утверждает, что поскольку сходство между состояниями вещей, конституируемыми субъектами метафоры, устанавливается метафорическими выражениями, то это сходство не может быть его генезисом. Такое решение представляется верным. Если, как утверждали сторонники субституционной и компаративистской концепций метафоры, источником метафоры является сходство (аналогия – как того хочет Ч. Перель-

ман), то является ли оно в отношении нее первичным? То есть что тут является творческим актом: открытие сходства состояний вещей или метафора как их сопряженность? Блэк верно констатирует, что это метафора открывает сходство и его устанавливает. Творческий акт остается таинственным явлением.

Генезис и судьбы метафоры

Отдельная проблема – это вопрос ассимиляции метафор в языковых сообществах, как сказал бы Макс Блэк. Исследователи, рассматривающие этот вопрос, впадают в противоречие по причине уже упоминавшегося здесь объединения «контекста обоснования» с «контекстом открытия». Так, Блэк, желая как бы усовершенствовать логическую грамматику, избегает семантики. Ричардс занимается рефлексией над философскими основами риторики. Однако, *volens nolens*, оба вводят в свой анализ семантическую проблематику. Рикёр, идя по следам Бенвениста, Фреге, Рассела и других, сознательно применяет семантический анализ. Вслед за французским языковедом он дифференцирует проблематику события и значения (семиотику и семантику), что является молчаливым отделением контекста открытия от контекста обоснования (генезиса от функции).

Все упомянутые концепции предполагают процесс ассимилирования метафоры в языковых сообществах. Блэк допускает ситуацию, когда в пределах (*lieux communs associeus*) поля общих ассоциаций имеются деформации информации, и как бы допускает, что в результате сопряженности семантик субъектов может не начаться процесс интерпретационного сближения семантик. В таком случае не возникнут общие ассоциативные импликации, «потенциальная метафора» останется в этой сфере бесплодной.

И здесь необходимо принять решение. Или, в таком случае, мы будем констатировать, что метафора уже возникла (что в таком случае является ее конститутивной чертой?) и не была ассимилирована (неужели она сразу была мертва?), или же здесь имеет место иная ситуация: невозникшая метафора (так какая же формация возникла?), так как метафора возникает лишь тогда, когда начинается интерпретационная интеракция, процесс сближения семантик путем возникновения ассоциирующих их импликаций. Мы можем

сказать в соответствии с интенциями Бердсли: выражение (логический абсурд, парадокс или – кто как предпочитает – нонсенс) становится метафорой, когда приходит в движение процесс образования комплекса ассоциативных импликаций между семантиками субъектов.

Эти импликации, как добавил бы Блэк, должны быть признаны (одобрены) языковым сообществом, в пределах которого имеет место данный процесс.

Рикёр согласен с подобным подходом, выдвигая свое название для этого семантического образования. Он наделяет его именем «полей интеракции» (*lieux d'interactions*). Однако остается довольно существенное несоответствие между понятием метафоры как события, то есть метафорой, конституирующейся в пределах полей интеракции, и идеей метафоры «мертвой». Рикёр пишет в одном случае, что метафора – это лишь «живая» метафора, в других же случаях он использует определение *métaphore morte* или называет метафорой выражение (как мы тут сказали бы), еще не подвергшееся испытанию, верификации языковым сообществом. Мы полагаем, что наше определение вводит в этом отношении ясность. Признание прекращения интерпретационной интеракции концом существования метафоры соответствовало бы признанию начала интерпретационной интеракции моментом ее рождения.

Таким образом, весь процесс, инициированный возникновением метафоры, вплоть до ее застывания в знании и в языке, можно назвать ее историей или судьбой (если придерживаться духа определений, пропагандируемых в отношении нее автором «*La Métaphore vive*»). Живой метафоры – свежей, как хотелось бы сказать. В своем бытовании в культуре метафора распространяется и затем сходит на периферию вплоть до забвения. Бывает и так, что она освежается посредством оживляющих ее реинтерпретаций, бывает и так, что она банализируется, догматизируется. Ведь история метафор – это история культуры (Barnes 1974: 92).

Итак, легко заметить, что представленная идея метафоры создает большие возможности для того, чтобы отнестись к ней как к особо лапидарной форме интерпретации, где главный субъект выполняет роль интерпретанса, а вспомогательный субъект – роль интерпретандума. Интерпретационная интеракция, имеющая место

между ними, является отношением между тем, что интерпретирует, и тем, что интерпретируется. Если мы добавим, что метафора своим возникновением приводит в движение интерпретационную интеракцию, то аналогия между «путешествующим» по указанию интерпретанса и интерпретандумом напрашивается сама собой.

В результате осуществляющейся между ними игры (жизни, функционирования метафоры – ее распространения) отношение между ними может проходить разные стадии, которые мы можем определить как отношение от «абсурда» до дефиниции. Эта эволюция может осуществляться через разного рода связи между интерпретансом и интерпретандумом: от тождества в случае дефиниции, вплоть до поэтического образа в случае поэтической метафоры.

Анализ интерпретаций, с которыми мы встречаемся в учебных дисциплинах (как и за их пределами), должен принимать во внимание модальность мира интерпретаций, для того чтобы, с одной стороны, отдавать себе отчет в том факте, что наука не отделена резкой демаркационной линией от остальных областей культуры, и чтобы, с другой стороны, понимать, что всегда можно указать на специфику интерпретационных процедур, реализуемых в отдельных типах дискурсов. Вышеуказанная понятийная сетка, демонстрирующая богатство возможных интерпретаций в свете культуры, позволяет с большей тонкостью обозначить, что является политологическим дискурсом, а что – дискурсом политическим. Такой анализ позволяет указать на сходства между ними и не на что иное.

Примечания:

1) Напоминаю, что то обстоятельство, призывает ли мысленно интерпретирующий экстралингвистический мир, к которому относится объект интеракции, или нет и как он это делает, пока нас не интересует.

2) В нашем дальнейшем анализе мы будем отождествлять сферы мысли и языка. Ведь выводы, к которым мы подводим, как представляется, не зависят от их эвентуальных дистинктивных признаков.

3) Каковы детерминанты инициирования интерпретации, в определенных коммуникативных ситуациях иллюстрирует контекст

понятия вопроса, который, как представляется, не без причины ассоциируется с интерпретированием.

4) Я применяю термин «субъект метафоры» вместо принятых в польских переводах фрагментов книги Блэка (и, как представляется, соответствующих интенций английского философа) определений «вспомогательный объект», «главный объект» (Black 1971: 231).

Литература

Mitterer, J. 1996. *Tamta strona filozofii*. Warszawa.

Wrzosek, W.

1990. Interpretation of the Human Acts. Humanistic Interpretation. *Interpretation in the Humanities*. Ed. T. Buksiński. Poznań.

1990a. Narracja a interpretacja. *Metodologiczne problemy narracji historycznej*. Red. J. Pomorski. Lublin.

Ajdukiewicz, K. 1960. *Język i Poznanie*. T. I. Warszawa.

Hesse, M. B. 1943. The Explanatory Function of Metaphor. *Kenyon Review*: 5.

Black, M.

1971. *Metafora*. Tłum. J. Japola, «Pamiętnik Literacki». Z. 3.

1962. *Models and Metaphors. Studies in Language and Philosophy*. Ithaca (New York).

1983. *Modelli, archetipi, metafore*. Parma.

Ricoeur, P.

1975. *La Metaphore vive*. Paris.

1983–1985. *Temps et recit*. T. 1–3. Paris.

Bearsdlay, M. C. 1958. *Aesthetics*. New York.

Richards, I. A. 1936. *The Philosophy of Rethoric*. Oxford.

Spencer, H. 1876. *The Principles of Sociology*. T. I. London.

Barnes, B. 1974. *Scientific Konowledge and Sociological Theory*. London.